

КОШМАРЫ

ЭДГАРА АЛЛАНА ПО

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44я43
П41

Перевод с английского

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Иллюстрация на переплете *Зверь (Л. Северная)*

Иллюстрации *Нис*

Иллюстрации во внутреннем оформлении *BELbKA*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Elinka Malinka / Shutterstock.com

<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com

<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

© GreyLilac / Shutterstock.com (<http://shutterstock.com/>)

<<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com

(<http://shutterstock.com/>) <<http://shutterstock.com/>> / FOTODOM

По, Эдгар Аллан.

П41 Кошмары Эдгара Аллана По : сборник : перевод с английского / Эдгар Аллан По. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-217860-3

На кладбище бродит кот с горящими глазами.

Золотой жук ведёт сквозь тьму — к сокровищам или гибели.

В отражении старинного зеркала уже стоит твой двойник.

Голоса из могилы и стоны в стенах напоминают о том, что смерть — не всегда конец.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44я43

© Бальмонт К., перевод на русский язык, 2026

© Энгельгардт М., перевод на русский язык, 2026

© Галь Н., перевод на русский язык, 2026

© Гурова И., перевод на русский язык. Наследники, 2026

© Облонская Р., перевод на русский язык. Наследники, 2026

© Хинкис В., перевод на русский язык. Наследники, 2026

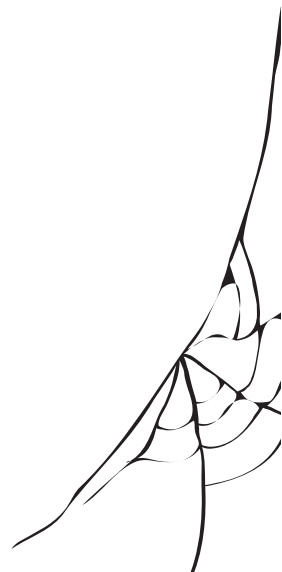
© Вольпин Н., перевод на русский язык. Наследник, 2026

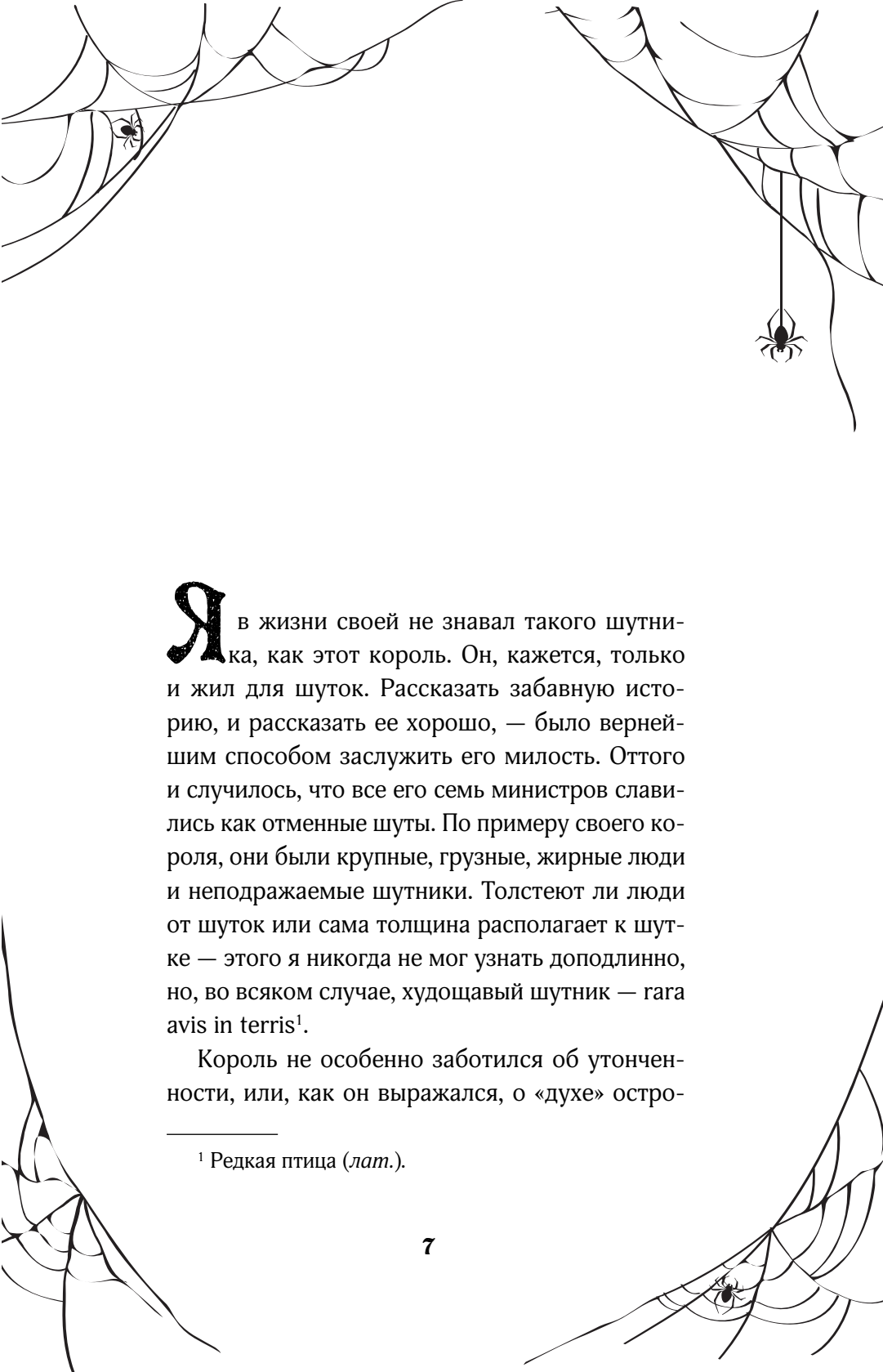
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-217860-3

Лягушонок

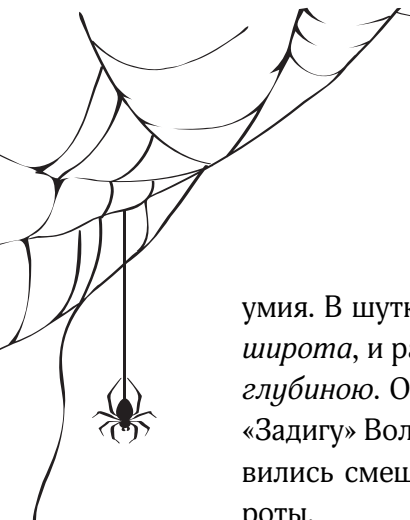

Я в жизни своей не знал такого шутника, как этот король. Он, кажется, только и жил для шуток. Рассказать забавную историю, и рассказать ее хорошо, — было вернейшим способом заслужить его милость. Оттого и случилось, что все его семь министров славились как отменные шуты. По примеру своего короля, они были крупные, грузные, жирные люди и неподражаемые шутники. Толстеют ли люди от шуток или сама толщина располагает к шутке — этого я никогда не мог узнать доподлинно, но, во всяком случае, худощавый шутник — *gaga avis in terris*¹.

Король не особенно заботился об утонченности, или, как он выражался, о «духе» остро-

---

¹ Редкая птица (*лат.*).

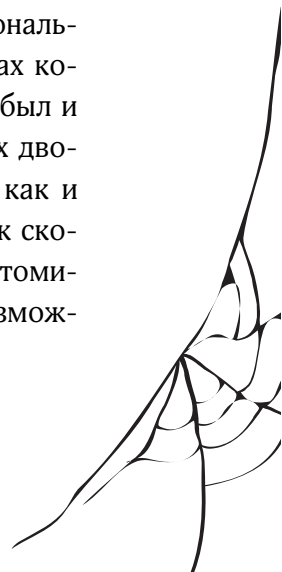
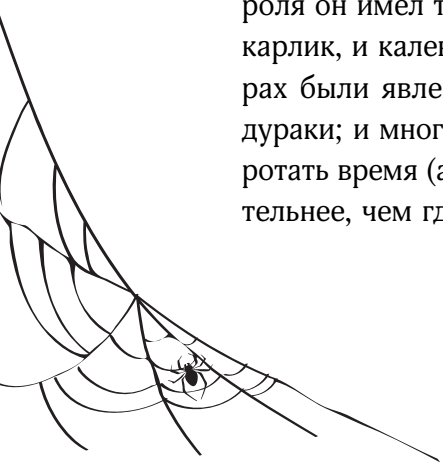

умия. В шутке ему нравилась главным образом *широта*, и ради нее он готов был пожертвовать *глубиной*. Он предпочел бы «Гаргантюа» Рабле «Задигу» Вольтера, и, в общем, ему больше нравились смешные выходки, чем словесные остроты.

В эпоху, к которой относится мой рассказ, профессиональные шуты еще не перевелись при дворах. В некоторых великих континентальных «державах» имелись придворные «дураки», носившие пестрое платье и колпак с погремушками и обязанные отпускать остроты по первому требованию за объедки с королевского стола.

Разумеется, и наш король держал при своей особе «дурака». Правду сказать, он чувствовал потребность в некоторой дозе глупости, хотя бы только в качестве противовеса к утомительной мудрости семи премудрых министров, не говоря уже о его собственной.

Однако его дурак — то есть профессиональный шут — был не *только* дурак. В глазах короля он имел тройную цену, потому что был и карлик, и калека. Карлики при тогдашних дворах были явлением столь же обычным, как и дураки; и многие короли не знали бы, как скоротать время (а время при дворе тянется томительнее, чем где-либо), не будь у них возмож-

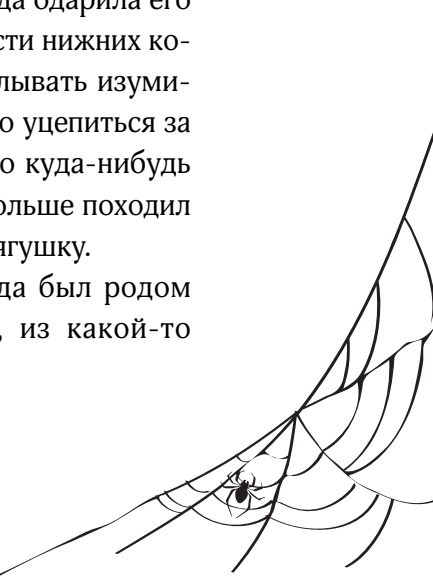
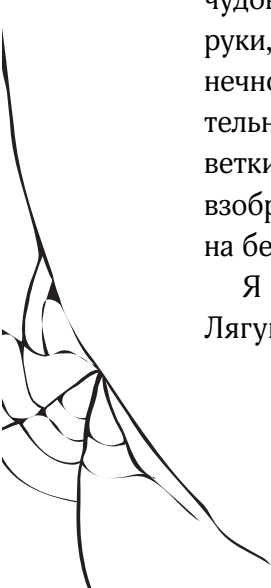

ности посмеяться над шутком или карликом. Но, как я уже заметил, шутники в девяноста девяти случаях из ста тучны, пузаты и неповоротливы — ввиду этого наш король немало радовался тому, что в лице Лягушонка (так звали шута) обладает тройным сокровищем.

Я не думал, чтоб имя Лягушонок было дано этому карлику восприемниками при крещении; вернее всего, оно было пожаловано ему — с общего согласия семи министров — за его неумение ходить по-людски. Действительно, Лягушонок двигался как-то порывисто — не то ползком, не то прыжками; его походка возбуждала безграничное веселье и немало утешала короля, считавшегося при дворе красавцем, несмотря на огромное брюхо и природную одутловатость лица.

Но, хотя Лягушонок мог передвигаться по земле или по полу только с большим трудом, чудовищная сила, которой природа одарила его руки, как бы в возмещение слабости нижних конечностей, позволяла ему проделывать изумительные штуки, когда можно было уцепиться за ветки или веревки или надо было куда-нибудь взобраться. В таких случаях он больше походил на белку или обезьянку, чем на лягушку.

Я не знаю хорошенько, откуда был родом Лягушонок. Во всяком случае, из какой-то

варварской страны, о которой никто не слышал и далекой от двора нашего короля. Лягушонок и молодая девушка, почти такая же карлица, как он (но удивительно пропорционально сложенная и превосходная танцовщица), были оторваны от своих родных очагов и посланы в подарок королю одним из его непобедимых генералов.

Немудрено, что при таких обстоятельствах между двумя маленькими пленниками возникла тесная дружба. В самом деле, они вскоре сделались закадычными друзьями. Лягушонок, который, несмотря на свои шутки, отнюдь не пользовался популярностью, не мог оказать Трипетте больших услуг, но она благодаря своей грации и красоте пользовалась большим влиянием и всегда готова была пустить его в ход ради Лягушонка.

Однажды, по случаю какого-то важного события — какого именно, не помню, — король решил устроить маскарад; а всякий раз, когда при нашем дворе устраивался маскарад или что-нибудь в этом роде, Лягушонку и Трипетте приходилось демонстрировать свои таланты. Лягушонок был очень изобретателен по части декораций, новых костюмов и масок, так что без его помощи решительно не могли обойтись.

Наступил вечер, назначенный для этого fête. Роскошная зала была убрана, под надзором Трипетты, всевозможными эмблемами, способными придать éclat¹ маскараду. Весь двор томился в лихорадке ожидания.

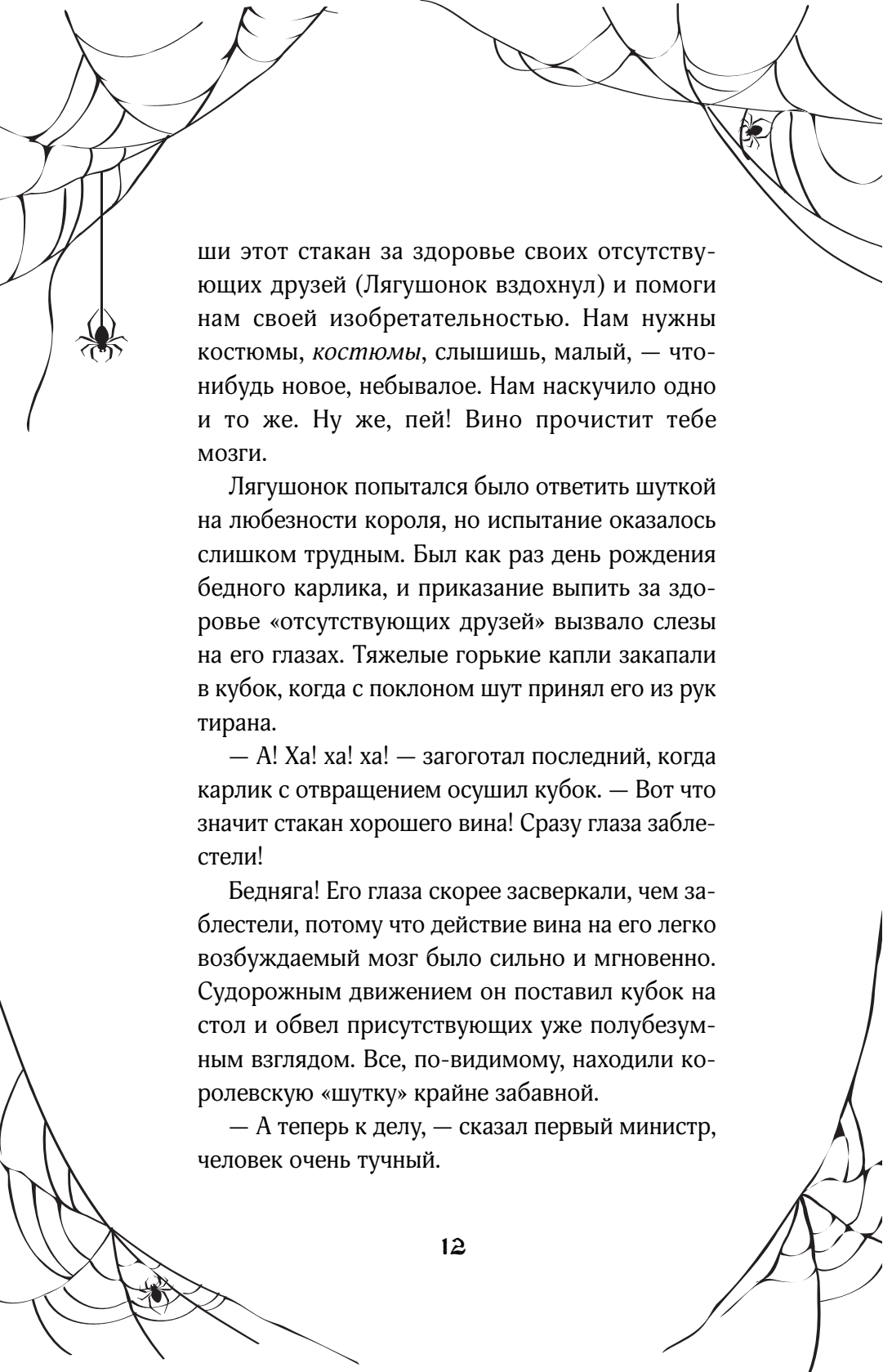
О масках и костюмах всякий сам позаботился заранее. Многие приготовили их (в согласии с теми ролями, которые решили взять на себя) за неделю, за месяц; на этот счет ни у кого не было колебаний, кроме короля и семи министров. Почему они медлили, я не могу объяснить — разве что для шутки, но, вернее, затруднялись придумать что-либо вследствие своей толщины. Однако время уходило, и в конце концов они послали за Лягушонком и Трипеттой.

Когда маленькие друзья явились на зов короля, он сидел со своими министрами в зале совета за бутылкой вина, но, казалось, был в очень дурном расположении духа. Он знал, что Лягушонок не любит вина, так как вино доводило бедного калеку почти до безумия, а безумие совсем не приятно. Но король любил подшутить и потому заставил Лягушонка (как выразилось его величество) «пить и веселиться».

— Поди сюда, Лягушонок, — сказал он, когда шут и его подруга вошли в комнату, — осу-

---

¹ Блеск (фр.).

ши этот стакан за здоровье своих отсутствующих друзей (Лягушонок вздохнул) и помоги нам своей изобретательностью. Нам нужны костюмы, *костюмы*, слышишь, малый, — что-нибудь новое, небывалое. Нам наскучило одно и то же. Ну же, пей! Вино прочистит тебе мозги.

Лягушонок попытался было ответить шуткой на любезности короля, но испытание оказалось слишком трудным. Был как раз день рождения бедного карлика, и приказание выпить за здоровье «отсутствующих друзей» вызвало слезы на его глазах. Тяжелые горькие капли закапали в кубок, когда с поклоном шут принял его из рук тирана.

— А! Ха! ха! ха! — загоготал последний, когда карлик с отвращением осушил кубок. — Вот что значит стакан хорошего вина! Сразу глаза заблестели!

Бедняга! Его глаза скорее засверкали, чем заблестели, потому что действие вина на его легко возбуждаемый мозг было сильно и мгновенно. Судорожным движением он поставил кубок на стол и обвел присутствующих уже полубезумным взглядом. Все, по-видимому, находили королевскую «шутку» крайне забавной.

— А теперь к делу, — сказал первый министр, человек очень тучный.

— Да, — подтвердил король, — помоги же нам, Лягушонок! Нам нужны характерные костюмы, милый мой! Нам всем не хватает характера, всем — ха! ха! ха! — И так как он всерьез считал это удачной шуткой, то все семеро принялись вторить его хохоту.

Лягушонок тоже засмеялся, но слабым и довольно бессмысленным смехом.

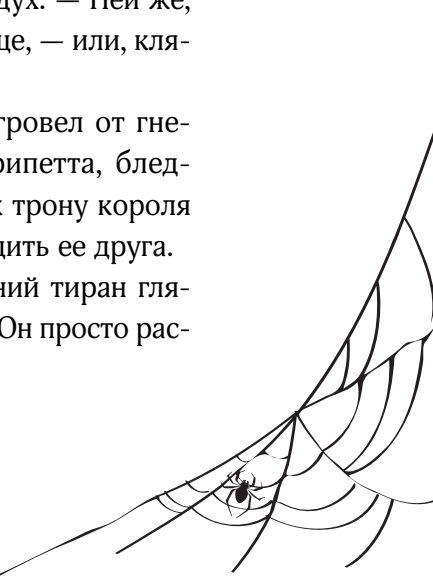
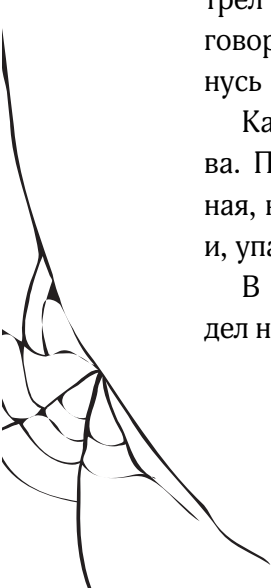
— Ну же, ну, — сказал король нетерпеливо, — неужели ты не можешь ничего придумать?

— Я стараюсь придумать что-нибудь *новое*, — ответил карлик почти бессознательно, так как вино совершенно затуманило ему голову.

— Стараешься? — воскликнул король с гневом. — Это еще что? А, понимаю! Тебе грустно оттого, что ты мало выпил. На, пей еще. — С этими словами он снова наполнил кубок до краев и протянул калеке, который только смотрел на него, с трудом переводя дух. — Пей же, говорят тебе, — гаркнуло чудовище, — или, клянись всеми чертями...

Карлик медлил. Король побагровел от гнева. Придворные ухмылялись. Трипетта, бледная, как мертвец, приблизилась к трону короля и, упав на колени, умоляла пощадить ее друга.

В течение нескольких мгновений тиран глядел на нее вне себя от изумления. Он просто рас-

терялся, не зная, как лучше выразить свое негодование по случаю такой дерзости. Наконец, не проронив ни слова, он оттолкнул ее изо всех сил и выплеснул ей в лицо содержимое кубка.

Бедная девушка кое-как оправилась и, не смея дохнуть, вернулась на свое место в конце стола.

Наступило гробовое молчание, продолжавшееся с полминуты; можно было услышать падение листка или пушинки. Тишина была прервана тихим, но резким и продолжительным скрежетом, который, казалось, раздавался из всех углов комнаты.

— Что, что, что это за звук? Как ты смеешь скрежетать? — спросил король с бешенством, поворачиваясь к карлику.

По-видимому, опьянение последнего в значительной степени прошло; он спокойно и твердо взглянул на короля и воскликнул:

— Я? Да разве это я?

— Звук идет как будто снаружи, — заметил один из придворных. — Должно быть, это поугай, что висит в клетке за окном, вздумал точить клюв о прутья.

— Правда, — отвечал монарх, успокоенный этим замечанием, — но я готов был поклясться честью рыцаря, что скрипел зубами этот бездельник.

Тут карлик рассмеялся (король был слишком признанным шутником, чтобы рассердиться на чей-либо смех), обнаружив ряд огромных, сильных и безобразных зубов. Мало того, он изъявил готовность пить сколько угодно. Монарх угомонился; и Лягушонок, осушив еще кубок без всяких заметных последствий, тут же с жаром приступил к обсуждению вопроса о маскарade.

— Не могу вам объяснить, в силу какой связи идей, — заметил он совершенно спокойно, точно и не прикасаясь к вину, — но сейчас же *после того*, как ваше величество ударили девушку и плеснули ей в лицо вином, — сейчас же *после того*, и в ту самую минуту, когда попугай так странно заскрежетал клювом, мне вспомнилась чудесная забава, очень принятая на моей родине, на наших маскарadaх, но совершенно неизвестная здесь. К несчастью, для нее требуется восемь человек, и...

— Да *вот* они! — воскликнул король, радуясь своей остроумной выдумке. — Ровнехонько восемь — я и мои семь министров. Продолжай! Какая же это забава?

— Мы называем ее, — отвечал калека, — *Восьмь орангутангов в цепях*. И если хорошо разыграть, то зрелище получится презабавное.

— Мы разыграем ее, — заметил король, приосанившись и опуская веки.

